

методы в селекции свиней. – Dubrovitsy: GNU VIZh Rossel'khozakademii, 2011. – 72 s.

6. Tikhomirov A.I., Sharnin V.N. Povyshenie effektivnosti svinovodstva na osnove intensivifikatsii seleksii // Svinovodstvo. – 2014. – № 6. – S. 9-13

7. Cassady J. Genetic parameters and their use in genetic breeding / National Swine Improvement Federation. – 2002. – Vol. 3. – P. 3-6.

УДК 301.18:331.34

С.Г. Максимова, М.Б. Максимов
S.G. Maksimova, M.B. Maksimov

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ МЕЖСУБЪЕКТНОЙ АДАПТАЦИИ С ПОЗИЦИЙ ТРУДОВОГО ОПЫТА СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ

SOCIO-ECONOMIC FACTORS OF INTERSUBJECTIVE ADAPTATION FROM THE POSITION OF WORK EXPERIENCE OF THE OLDER GENERATION

Ключевые слова: социально-экономические факторы, межсубъектная адаптация, социально-экономическое благополучие, трудовое поведение, поколения.

Представлены основные данные социально-экономического благополучия населения, обуславливающие особенности межсубъектной адаптации лиц различных возрастных групп. В целях разработки научных основ проблем социальной адаптации проведен анализ феномена старения общества, адаптивных стратегий современных россиян на институциональном, социально-групповом и индивидуально-личностном уровнях на основе социологического опроса населения, проведенного в 2011-2013 гг. в 4 регионах России (Алтайский край, Красноярский край, Саратовская область, Кемеровская область, выборка составила 2400 чел. в возрасте 15-75 лет) и данных экспертного опроса представителей органов законодательной, исполнительной власти, органов местного самоуправления, представителей общественных организаций, научной и педагогической общественности (80 респондентов). По результатам исследования выявлены особенности адаптивных стратегий лиц различных возрастных групп в основных сферах жизнеосуществления человека, а именно в общественно-политической активности, экономическом поведении, миграционном поведении, саморазвитии/самообразовании, образо-

вательных намерениях, семейно-бытовых взаимоотношениях, социальных взаимодействиях.

Keywords: socio-economic factors, intersubjective adaptation, socio-economic well-being, work behavior, generation.

The paper presents the basic data of people's socio-economic well-being that causes features of persons' intersubjective adaptation of different age groups. In order to develop the scientific basis of the problems of social adaptation we analyzed the phenomenon of an aging society, the adaptive strategies of modern Russians at the institutional, group and individual level based on public opinion poll. This survey was conducted in 4 regions of Russia (Altai Krai, the Krasnoyarsk Krai, Saratov Oblast, Kemerovo Oblast, the sample was 2400 people, aged 15-75 years) in 2011-2013. An expert poll consisted of a survey of representatives of the legislative, executive, local authorities, representatives of public organizations, scientific and pedagogical community (80 respondents). According to the research there were the features of the persons' adaptive strategies of different age groups in key areas of human life, namely socio-political activity, economic behavior, migratory behavior, self-development / self-education, educational intentions, family relationships, social interactions.

Максимова Светлана Геннадьевна, д.с.н., проф., зав. каф. психологии коммуникаций и психотехнологий, Алтайский государственный университет. E-mail: svet-maximova@yandex.ru.

Максимов Максим Борисович, к.м.н., Алтайский государственный университет. E-mail: maxbmax@rambler.ru.

Maksimova Svetlana Gennadyevna, Dr. Sociol. Sci., Prof., Head, Chair of Psychology of Communications and Psycho-Technologies, Altai State University. E-mail: svet-maximova@yandex.ru.

Maksimov Maksim Borisovich, Cand. Med. Sci., Altai State University. E-mail: maxbmax@rambler.ru.

Актуальность

Проблемы бытия современного российского общества в период радикальных экономических преобразований являются объектом пристального внимания и изучения

практически всех гуманитарных и социальных наук. На современном этапе трансформируются содержание и тенденции развития процессов и явлений, составляющих сущность нашей эпохи. Ряд исследова-

телей отмечают [1-6], что одним из таких процессов, оказывающих значительное влияние на функционирование и развитие общества и человечества в целом и во многом определяющих состояние и потенциал социума, является так называемое «старение» («постарение») населения.

На протяжении последних десятилетий в мире наблюдается значительное постарение населения. В России доля лиц 60 лет и старше в первой половине XXI столетия составляет 17-18%. Ожидается, что к 2015 г. доля пожилых повысится до 20%. Данный демографический процесс имеет глубокие социальные и экономические последствия.

Социальные проблемы старения возникли вместе с развитием общества. Они выражались в том, какую позицию общество занимало по отношению к стареющим и старым людям и какое фактическое место занимали старые люди среди других возрастных групп, какие функции в обществе они выполняли.

Календарный, демографический и пенсионный возрасты отражают количественную оценку старости и старения. Целесообразно учитывать не только число и долю пожилых людей, но и картину демографических изменений в этой группе. Причем качественные характеристики двойственны по своей природе. Они, с одной стороны, являются ресурсом общества (и потому должны рассматриваться в качестве объекта защиты); с другой стороны, они представляют социальную ценность (и потому являются предметом гарантий, ибо каждый человек имеет право на то, чтобы выступить собственником качественных ресурсов). Пожилые люди как большая группа общества имеют свою специфику и оказывают прямо или опосредованно существенное влияние на жизнь социума. Соответственно пожилой человек часто рассматривается как «представитель социальной группы пожилых людей в структуре общества и системе общественных отношений» [7].

Кроме того, пожилые люди составляют специфическую социально-демографическую группу населения (наряду с детьми, молодежью, работающим населением) и социально-экономическую группу, имеющую определенный источник дохода (пенсию). В.В. Куценко, С.В. Ровбель (1996) рассматривают пенсионеров как особую социальную категорию населения, которая отличается следующими характерными свойствами: а) возрастными (начало этого периода определено правовыми и социальными условиями); б) обеспечением (со-

держание пенсионеров в основном осуществляется за счет государственных средств при неразвитости в России систем фирменного, частного, индивидуального (добровольного) пенсионирования; в) связями с общественными организациями (как по месту прежней работы, так и по месту жительства); г) положением в семье, ценностными ориентациями, соответствующими изменениями в менталитете индивида [8]. Постарение населения оказывает существенное влияние на общественные процессы, их конфигурацию, структуру, динамику [9-12].

Цель исследования связана с анализом степени освоения проблем конструирования социальных связей пожилых людей, участия в формальных и неформальных видах активности внутри сообщества, коммуникативных ресурсов представителей третьего возраста. Представлен анализ процессов интеграции старых людей в обществе, адекватных социально-экономическим, политическим, культурным реалиям современного этапа развития, выявление дезорганизующих факторов, ведущих к конфликтным ситуациям, социальной напряженности, проблема их снятия или смягчения.

Объекты и методы

В целях разработки научных основ для решения упомянутых проблем проведен анализ феномена старения общества, адаптивных стратегий современных россиян на институциональном, социально-групповом и индивидуально-личностном уровнях на основе социологического опроса населения, проведенного в 2011-2013 гг. в 4 регионах России (Алтайский край, Красноярский край, Саратовская область, Кемеровская область, выборка составила 2400 чел. в возрасте 15-75 лет) и данных экспертного опроса представителей органов законодательной, исполнительной власти, органов местного самоуправления, представителей общественных организаций, научной и педагогической общественности (80 респондентов).

Основными эмпирическими методами сбора и анализа данных являются метод анкетирования, традиционный анализ документов, методы математико-статистического анализа с использованием программных пакетов MSOffice 2007 и SPSS 17.0 [13-15].

Результаты и обсуждения

Социальная адаптация – процесс активного приспособления человека к условиям новой социальной среды. Этот процесс

имеет определенную протяженность во времени и в значительной степени зависит от ряда факторов, затрудняющих, с одной стороны, и облегчающих наступление результата самого процесса адаптации – с другой.

Одним из факторов, оказывающих существенное влияние на процесс и результат социальной адаптации, является состояние активности индивида, которое с возрастом постепенно снижается. Этому способствуют биологические и социальные факторы. К социальным факторам, оказывающим влияние на снижение активности лиц пожилого возраста, относится изменение жизненного стереотипа – прекращение систематической трудовой и общественной деятельности, переход в категорию пенсионеров. Это приводит к ограничению круга общения, сужению объема обязанностей, что может обусловить дальнейшее снижение активности.

Следовательно, снижение активности как неизбежный и закономерный фактор, характерный для пожилого возраста, составляет серьезную предпосылку для нарушения социальной адаптации.

Проблема адаптации является одной из ключевых при оценке качества жизни лиц старших возрастных групп, важный вклад в этот показатель вносит оценка удовлетворенности жизнью, самоощущения лиц старшего возраста, возможности реализации их потенциала и т.д.

При оценке уровня адаптации мы интересовались тем, насколько пожилым людям удалось адаптироваться (приспособиться) к новым социально-экономическим условиям.

Третья часть респондентов старшего возраста считает, что быстрее удалось адаптироваться (28% – сумма вариантов ответов «полностью удалось» и «быстрее удалось, чем не удалось»), 30% считает, что не удалось адаптироваться.

Чаще всего приспособиваются к современным условиям, «придерживаясь своих, выработанных годами норм поведения», это отметили 49% респондентов в возрасте 50-75 лет, 55% – 30-49 лет, 47% – 15-29 лет.

Кроме того, 25% пожилых респондентов отметили, что стимулирует их приспособиться к новым условиям «опасение быть обузой и в связи с этим стремление жить отдельно». Аналогичная тенденция прослеживается и на всех территориях, где проводилось исследование.

Немаловажным является также то обстоятельство, что молодые члены семьи, ранее в основном осуществлявшие уход и традиционно предоставлявшие всестороннюю необходимую помощь пожилым родителям, в настоящее время в значительно меньшей степени обладают такой возможностью.

Вместе с тем доля семей, проживающих совместно с родителями, несколько возросла: если в 1998 г. их количество составляло 18,1%, то в 2008 г. – уже 21,9%, т.е. увеличилось в 1,21 раза [6]. Показателен тот факт, что рост количества молодых семей, проживающих совместно с родителями, идет не за счет обмена квартир и так называемого «съезда» с престарелыми родителями в связи с необходимостью организации ухода за ними, а так как, молодой семье трудно выделиться в отдельное домохозяйство в связи с отсутствием финансовой возможности купить жилье или получить бесплатное муниципальное. Известно, что как пожилые члены семьи, так и молодое поколение, согласно данным исследования, предпочитают проживать отдельно, однако в условиях кризисной ситуации отдельное проживание поколений значительно ухудшает положение пожилых. Так, около 65% пожилых, проживающих отдельно от детей, утверждает, что не получает от них никакой помощи, в то время как среди проживающих в семьях детей таких около 20%. Таким образом, старые люди, значительно больше других категорий пенсионеров, нуждающиеся во всесторонней помощи более молодых родственников, зачастую проживают отдельно от них, не получая в достаточной степени помощи от детей. Согласно прогнозам, в ближайшее время ситуация в лучшую сторону не изменится.

Одним из вариантов приспособления к новым условиям часто отмечается возможность совместного проживания детей, родителей и прародителей. Только 16% респондентов в возрасте 50-75 лет и 18% респондентов в возрасте 15-29 лет отметили, что «это хорошо для жизненного опыта детей». Большая часть опрошенного населения говорила о том, что «детям совместное проживание только мешает» (38% молодого поколения и 37% старшего поколения) и подчеркивали, что «раздельное проживание сплачивает семью» (42 и 41% соответственно).

К факторам, способствующим успешной адаптации пожилых людей по оценкам лиц старшего возраста в большей степени, от-

носятся личная инициатива (56%), помощь родственников (50%) и целеустремленность (27%).

Молодое поколение считает основным фактором успешного приспособления пожилых людей – помощь родственников (66%).

Лица среднего возраста отмечают личную инициативу (57%) и целеустремленность (30%).

При оценке факторов, препятствующих успешной адаптации, лица старшего возраста отмечают отсутствие коммерческой жилки (39%), отсутствие необходимых черт характера (36%), внешние обстоятельства (39%); лица среднего возраста отмечают, что не могут поступиться своими принципами (37%) и внешние обстоятельства (47%); молодежь акцентирует свое внимание на внешних обстоятельствах (41%).

Таким образом, лица старшего и среднего поколений при оценке факторов, способствующих успешной адаптации, отдают предпочтение личностным достижениям человека в противовес помощи общества и других людей.

Рассматривая модели механизмы межсубъектной адаптации в целях эффективного применения трудового опыта старшего поколения, проанализировали особенности адаптивных стратегий лиц старших возрастных групп.

Рассматривались адаптивные стратегии в основных сферах жизнеосуществления человека: общественно-политическая активность, экономическое поведение, миграционное поведение саморазвитие/самообразование, образовательные намерения, семейно-бытовые взаимоотношения, социальные взаимодействия.

Адаптивный потенциал, безусловно, связан с уровнем и содержанием активности субъекта, которая находит отражение как в процессе планирования индивидуальной жизненной стратегии, так и в ходе формирования и развития системы межличностных отношений индивида. Таким образом, самооценка данной характеристики респондентами косвенным образом позволяет выделить группы лиц с разными адаптивными стратегиями, отвечающими отдельным индивидуально-специфическим типам проявления активности.

С данной целью участникам опроса был предложен вопрос «В какой степени Вы можете назвать себя активным человеком?». Альтернативы ответов соответствовали, активной адаптивной («Я очень активный человек»), активной пассивной («Моя

активность имеет спады и подъемы») и дезадаптивной («Я неактивный человек») стратегиям поведения. Большинство опрошенных (55,1%) отметили, что их активность носит изменчивый характер, около четверти опрошенных (22,4%) назвали себя неактивными людьми, и лишь 21,6 – очень активными.

Вместе с тем сфера, в которую направлена активность субъекта, также свидетельствует о специфике социальной адаптации индивида, в частности, о том, на чем она базируется, насколько широки взаимосвязи субъекта и социальной среды. Так, личность может быть ориентирована на сферу частной жизни и уделять наибольшее внимание здоровью, профессиональным интересам и хобби, или же участвовать в преобразовании социальной реальности на более широком уровне – участвовать в воспитании молодого поколения, содействовать переменам к лучшему в общественной жизни. Чем многообразнее проявляет себя личность в различных аспектах жизни, тем выше ее адаптационный потенциал, поскольку в этом случае она оказывается интегрированной в различные системы отношений и может использовать их для активного преодоления возникающих трудностей и проблем.

Заданный респондентам вопрос «В каких областях деятельности проявляется Ваша активность, чем Вы больше всего занимаетесь?» не имел ограничений по количеству вариантов, и, таким образом, предоставлял возможность отметить все актуальные для них направления реализации активности.

Наиболее часто указываемые направления приложения активности без преувеличения можно назвать базовыми, поскольку они связаны с удовлетворением наиболее актуальных потребностей личности, сопряжены с определенными жизненными этапами и типичными для них целями (работа, бытовые обязанности, воспитание детей, трансляция опыта, поддержание здоровья и продление жизни). Напротив, хобби и общественная активность не носят на себе отражения подобной обязательности и, соответственно, реже становятся объектом приложения активности опрошенных.

Что касается проявлений активности респондентов разных возрастов, то здесь следует отметить некоторые различия.

Несмотря на сохранение тенденций в распределении направлений личной активности, отмеченных в отношении всей выборки, опрошенные старшей возрастной группы от 50 до 75 лет более равномерно

распределяют активность между тремя основными сферами – работой, самообслуживанием и заботой о здоровье (48,9; 35,4 и 34,5% выборов соответственно).

Опрошенные средней возрастной группы от 30 до 49 лет максимально увлечены работой (80,8%) и минимально – заботой о здоровье (23%). Респондентов среднего возраста больше и среди тех, кто занят воспитанием и обучением нового поколения (29,5%), что вполне подтверждает сформулированные исследовательские гипотезы. Логично предположить, что поскольку опрошенные более младшего возраста чаще всего бездетны или их дети еще пока малы для воспитательной работы, а нуждаются лишь в уходе, а опрошенные старшего возраста чаще вовлечены уже в воспитание внуков и правнуков, которые тоже еще пока малы, то именно средний возраст – пора активного участия родителей в жизни детей, трансляции родительского опыта семейных, бытовых и прочих взаимодействий.

Что касается сфер приложения личной активности опрошенных младшей возрастной группы – 15-29-летних – то молодые люди весьма озабочены заботой о здоровье (30,3%), практически в той же мере, как и опрошенные старшей группы. Возможно, это связано с распространяющимися в последние годы установками на здоровый образ жизни, моды на занятие фитнесом, поддержание хорошей физической формы. Среди 15-29-летних наибольшая доля жителей, уделяющих время хобби (23,3%), а также участию в общественной жизни (15,3%), что также вполне подтверждает результаты смежных исследований, фиксирующих увеличение общественной активности молодежи в последние годы.

Взаимодействие с другими людьми является необходимым условием успешной социальной адаптации. Вследствие этого анализ отношения респондентов к общению также дает основание для выявления особенностей данного эмоционального и поведенческого компонента их стратегии социальной адаптации.

Большинство опрошенных (77,4%) ответили, что бывать на людях им приятно, заставляют себя встречаться с другими людьми – 11,4%, желание общаться отсутствует у 4,6%, 2,7% ведут замкнутый образ жизни и не интересуются общением. Отсюда можно сделать вывод, что активную адаптивную стратегию в сфере общения разделяет большинство участников исследования, пассивная адаптивная характерна для каждо-

го десятого опрошенного. Деадаптивная стратегия, выражающаяся в отказе от общения, присуща 7,3% респондентов.

Распределение ответов, отражающих стратегии в сфере межличностных взаимодействий в разрезе возрастных групп, позволяет заключить, что неадаптивное поведение более присуще опрошенным старшей возрастной группы: 10,8% респондентов в возрасте от 50 до 75 лет предпочитают отказываться от общения, 7% – средней возрастной группы, в младшей же возрастной группе доля таких установок составила лишь 4%. Ожидаемо наиболее активной оказалась молодежь – 86,5% опрошенных отметили активную стратегию в сфере общения, в средней возрастной группе доля таких ответов составила 71,8%.

Полученные данные указывают на то, что общение является центральным ресурсом адаптации для большинства вошедших в выборку лиц.

Вопрос анкеты «Каковы Ваши взаимоотношения с родственниками?» позволяет более подробно исследовать, какую позицию занимают респонденты по отношению к своим близким, проявляют ли они активность и оказывают ли родным помощь и поддержку, или же сами являются адресатами данной помощи и реализуют пассивную стратегию адаптации.

Большинство респондентов поддерживают отношения с родственниками (74,8%), почти треть (28,7%) общаются с ними по телефону, 22,9% навещают их самостоятельно. Доля опрошенных, занимающих пассивную позицию в отношениях с родными, не так велика: 20,3% навещают их близкие, менее 7% получают от родственников материальную помощь. Не поддерживают отношений с родственниками 1,3% опрошенных, 4,3% ощущают дефицит такого общения.

Большинство участников исследования реализуют активную стратегию адаптации в системе родственных отношений, то есть проявляют собственную активность в установлении контактов с родными, оказывают им материальную и моральную поддержку, обмениваются с ними информацией (80,4%). Четвертая часть респондентов занимает по отношению к родственникам пассивную позицию, принимая визиты родственников и получая от них материальную помощь (16,3%). Доля лиц, испытывающих дефицит общения с родственным кругом, либо не поддерживающих родственные отношения, в совокупности составила около 6% от всей выборочной совокупности.

Наиболее интенсивны контакты с близкими у респондентов младшей возрастной группы, молодежь реже испытывает дефицит общения и отсутствие контактов с близкими, чаще навещают родственников и чаще получают от них материальную помощь (доля таких ответов почти на 10% превышает ответы средней и старшей возрастной группы). Старшая же возрастная группа, испытывая наибольший дефицит общения (5,2%), проявляет довольно большую активность в поддержании ближайших контактов: среди них меньшая доля (0,7%) тех, кто не поддерживает контактов с близкими. При этом чаще всех старшее поколение готово оказывать материальную помощь родственникам (10,1%), приходить в гости (18,9%), поддерживаются контакты в форме разговоров по телефону (31%) и визитов родственников (31%). При этом следует особо подчеркнуть, что респондентов старшего поколения навещают больше, чем опрошенных других возрастов.

Таким образом, подавляющее большинство как лиц старшего, так и молодого возраста реализуют активную модель адаптивного поведения в среде родственно близких им людей, выражающуюся в следовании альтруистическим мотивам, принятии на себя ответственности, оказании помощи, проявлении коммуникативной инициативы. Вместе с тем можно предположить, что данные тенденции актуальны лишь для рассматриваемой сферы, и адаптивное поведение субъектов в более широком социальном пространстве будет обладать иными чертами.

Библиографический список

1. Медведева Г.П. Введение в социальную геронтологию. – М.: Московский псих.-соц. ин-т; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2000. – 96 с.
2. Бреев Б.Д. К вопросу о постарении населения и депопуляции // Социологические исследования. – 1998. – № 2. – С. 61-66.
3. Здравомыслова О., Качалова Ю., Севортьян А., Шурыгина И. Старшее поколение в современной России. Статистика, исследования, общественные организации. – М.: Агентство соц. ин-ции, 1999. – 80 с.
4. Павленок П.Д., Руднева М.Я. Технологии социальной работы с различными группами населения: учеб. пособие. – М.: Инфра-М, 2009. – 294 с.
5. Муругова В.В., Утеева Э.Н. Социально-экономическая модель благополучия

граждан пожилого возраста как показатель их социально-экономической адаптации к условиям жизни современного российского общества // Вестник Казанского государственного финансово-экономического института. – 2011. – № 1. – С. 93-98.

6. Максимова С.Г., Авдеева Г.С., Гончарова Н.П., Ноянзина О.Е., Омельченко Д.А. Модели конструирования новой геронтологической реальности и адаптивные стратегии населения России: монография / под общ. ред. С.Г. Максимовой. – Барнаул: АЗБУКА, 2013. – 495 с.

7. Краснова О.В., Лидерс А.Г. Социальная психология старения. – М.: Изд-кий центр «Академия», 2002. – 288 с.

8. Куценко В.В., Ровбель С.В. Уровень жизни пожилых людей: текст лекций / НГАЭиУ. – Новосибирск, 1996. – С. 9.

9. Максимова С.Г. Социально-психологические аспекты дезадаптации лиц пожилого возраста и старческого возраста // Клиническая геронтология. – 2000. – № 5-6. – С. 58.

10. Максимова С.Г. Особенности функционирования и развития системы социального обслуживания лиц пожилого и старческого возраста в современном российском регионе. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. – 360 с.

11. Хрисанфова Е.Н. Основы геронтологии (антропологические аспекты) – М.: Гуманит. изд. центр «ВЛАДОС», 1999. – 160 с.

12. Максимова С.Г., Ноянзина О.Е., Гончарова Н.П., Омельченко Д.А., Авдеева Г.С. Социально-экономические и демографические вызовы стареющего общества в условиях современной России // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. – 2012. – № 10. – С. 130-135.

13. Sutton A.J., Vickerman P., Hickman M., Koshkina E., Maximova S., Latishevskaya N., Parry J., Platt L., Bonell C., Rhodes T. Measuring risk of HIV and HCV among injecting drug users in the Russian Federation // European Journal of Public Health. – 2009. – Т. 19. – № 4. – С. 428-433.

14. Морковкин Г.Г., Деев Н.Г., Демин В.А. Инновационный путь развития – реальная перспектива для Алтайского края // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. – 2006. – № 5. – С. 7-10.

15. Максимова С.Г., Ноянзина О.Е., Гончарова Н.П. Социально-экономические критерии выбора стратегии социологического

исследования регионов // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. – 2013. – № 4 – (102). – С. 117-121.

References

1. Medvedeva G.P. Vvedenie v sotsial'nyuyu gerontologiyu. – М.: Moskovskii psikhologo-sotsial'nyi institut; Voronezh: Izdatel'stvo NPO «MODEK», 2000. – 96 s.
2. Breev B.D. K voprosu o postarenii naseleniya i depopulyatsii // Sotsiologicheskie issledovaniya. – 1998. – № 2. – S. 61–66.
3. Zdravomyslova O., Kachalova Yu., Sevort'yan A., Shurygina I. Starshee pokolenie v sovremennoi Rossii. Statistika, issledovaniya, obshchestvennye organizatsii. – М.: Agentstvo sotsial'noi informatsii, 1999. – 80 s.
4. Pavlenok P.D., Rudneva M.Ya. Tekhnologii sotsial'noi raboty s razlichnymi gruppami naseleniya: uchebnoe posobie. – М.: Infra-M, 2009. – 294 s.
5. Murugova V.V., Uteeva E.N. Sotsial'no-ekonomicheskaya model' blagopoluchiya grazhdan pozhilogo vozrasta kak pokazatel' ikh sotsial'no-ekonomicheskoi adaptatsii k usloviyam zhizni sovremenno go rossiiskogo obshchestva // Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo finansovo-ekonomicheskogo instituta. – 2011. – № 1. – S. 93-98
6. Maksimova S.G., Avdeeva G.S., Goncharova N.P., Noyanzina O.E., Omel'chenko D.A. Modeli konstruirovaniya novoi gerontologicheskoi real'nosti i adaptivnye strategii naseleniya Rossii: monografiya / pod obshch. red. S.G. Maksimovoi – Barnaul: AZBUKA, 2013. – 495 s.
7. Krasnova O.V., Liderev A.G. Sotsial'naya psikhologiya stareniya. – М.: Izdatel'skii tsentr «Akademiya», 2002. – 288 s.
8. Kutsenko V.V., Rovbel' S.V. Uroven' zhizni pozhilykh lyudei: Tekst lektsii / NGAЕiU. – Novosibirsk, 1996. – S. 9.

9. Maksimova S.G. Sotsial'no-psikhologicheskie aspekty dezadaptatsii lits pozhilogo vozrasta i starcheskogo vozrasta // Klinicheskaya gerontologiya. – 2000. – № 5-6. – S. 58.

10. Maksimova S.G. Osobennosti funktsionirovaniya i razvitiya sistemy sotsial'nogo obsluzhivaniya lits pozhilogo i starcheskogo vozrasta v sovremennom rossiiskom regione. – Barnaul: Izd-vo Alt. Un-ta, 2006. – 360 s.

11. Khrisanfova E.N. Osnovy gerontologii (antropologicheskie aspekty) – М.: Gumanit. Izd. Tsentr VLADOS, 1999. – 160 s.

12. Maksimova S.G., Noyanzina O.E., Goncharova N.P., Omel'chenko D.A., Avdeeva G.S. Sotsial'no-ekonomicheskie i demograficheskie vyzovy stareyushchego obshchestva v usloviyakh sovremennoi Rossii // Vestnik Altaiskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. – 2012. – № 10. – S. 130-135.

13. Sutton A.J., Vickerman P., Hickman M., Koshkina E., Maximova S., Latishevskaya N., Parry J., Platt L., Bonell C., Rhodes T. Measuring risk of HIV and HCV among injecting drug users in the Russian Federation // European Journal of Public Health. 2009. – T. 19. – № 4. – S. 428-433.

14. Morkovkin G.G., Deev N.G., Demin V.A. Innovatsionnyi put' razvitiya – real'naya perspektiva dlya Altaiskogo kraia // Vestnik Altaiskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. – 2006. – № 5. – S. 7-10.

15. Maksimova S.G., Noyanzina O.E., Goncharova N.P. Sotsial'no-ekonomicheskie kriterii vybora strategii sotsiologicheskogo issledovaniya regionov // Vestnik Altaiskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. – 2013. – № 4 (102). – S. 117-121.

УДК 338.431:631.115.1

С.А. Максимова
S.A. Maksimova

**ЛИЧНОЕ ПОДСОБНОЕ ХОЗЯЙСТВО КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ
УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА СТРАНЫ**

PRIVATE FARMING AS A FACTOR OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF RURAL ECONOMY

Ключевые слова: санкции Правительства РФ, сельское хозяйство, личное подсобное хозяйство, отечественная сельскохозяйственная продукция, продовольственная безопасность, крестьянско-фермерские хозяйства, сельскохозяйственные организации, растениеводство, животноводство, сельское население.

Keywords: sanctions of the Russian Government, agriculture, private subsidiary farm, domestic agricultural products, food security, peasant farms, agricultural organizations, crop growing, animal husbandry, rural population.